

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.12>

Сафонов Дмитрий Анатольевич

Нэп и крестьянский протест 1921-1922 гг.: изучение проблемы

Цель исследования - выяснить, действительно ли в 1921 году переход к нэпу исчерпал крестьянский протест, прекратил вооруженное противостояние, примирив конфликтующие стороны. Научная новизна состоит в том, что статья дает обобщенное видение проблемы и состояние ее разработки в современной отечественной историографии; автором ставится под сомнение кажущаяся безусловной взаимосвязь протеста и изменившейся государственной политики (нэп). В результате доказано, что повстанчество было направлено не только против продразверстки и что резкий спад повстанчества в 1921 г. был вызван не столько экономическими новациями нэпа, большая часть которых стала в реальности реализовываться значительно позже, сколько продолжавшимися военно-коммунистическими мероприятиями по выкачке хлеба, что в условиях усиливавшегося голода, с одной стороны, и увеличения количества карательных сил - с другой, практически уничтожило в 1922 г. вооруженный протест и возможности для его продолжения. Крестьянский протест в дальнейшем приобретает новые формы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/12.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 61-68. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.12>

Дата поступления рукописи: 16.06.2020

Цель исследования – выяснить, действительно ли в 1921 году переход к нэпу исчерпал крестьянский протест, прекратил вооруженное противостояние, примирив конфликтующие стороны. **Научная новизна** состоит в том, что статья дает обобщенное видение проблемы и состояние ее разработки в современной отечественной историографии; автором ставится под сомнение кажущаяся безусловной взаимосвязь протеста и изменившейся государственной политики (нэп). **В результате** доказано, что повстанчество было направлено не только против продразверстки и что резкий спад повстанчества в 1921 г. был вызван не столько экономическими новациями нэпа, большая часть которых стала в реальности реализовываться значительно позже, сколько продолжавшимися военно-коммунистическими мероприятиями по выкачке хлеба, что в условиях усиливавшегося голода, с одной стороны, и увеличения количества карательных сил – с другой, практически уничтожило в 1922 г. вооруженный протест и возможности для его продолжения. Крестьянский протест в дальнейшем приобретает новые формы.

Ключевые слова и фразы: новая экономическая политика; повстанчество; продналог; крестьянский протест; региональные особенности.

Сафонов Дмитрий Анатольевич, д. ист. н., проф.
Оренбургский государственный университет
d_safonov@mail.ru

Нэп и крестьянский протест 1921-1922 гг.: изучение проблемы

Актуальность темы исследования обусловлена углубленным изучением крестьянского протеста в XX веке, взаимоотношений крестьянства и власти.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, проследить наличие связи между нэпом и повстанчеством; во-вторых, определить дальнейшую судьбу крестьянского протеста после введения нэпа, в-третьих, определить роль голода в судьбе вооруженного протеста, и в-четвертых, оценить наличие региональных особенностей.

Для решения поставленных задач в статье применяются следующие **методы исследования**: традиционные научные принципы историзма, объективности и системности в исследовании проблем общественного развития. Принцип научной объективности был реализован путем комплексного анализа исторических источников и исторической литературы, с опорой на верифицируемые факты. Принцип историзма позволяет выявлять общие закономерности развития различных исторических процессов в их динамике и взаимосвязи. Используются также общенаучные и социально-исторические методы – хронологический, проблемно-исторический.

Практическая значимость исследования заключается в том, что проведенный анализ публикаций и взглядов современных исследователей дает определенный итог изучению темы, а также позволяет выявить отдельные аспекты ее, требующие углубленного изучения и дальнейшей разработки.

Теоретическая база. 1921 год воспринимался и воспринимается как год перехода к новой экономической политике, решительного изменения курса страны в экономической сфере, повлекшего за собой серьезные политические и социальные перемены. В 1921-м была отменена продразверстка, бывшая одним из главных элементов прежнего экономического курса, против которого выступало крестьянство практически повсюду. В 1921-м завершился период открытого военного противостояния крестьянства и коммунистической власти – повстанчества 1920-1921 гг.

Крестьянский протест, на наш взгляд, явление вневременное, ибо он имеет место всегда, где есть конфликт интересов крестьянства и интересов власти (неважно, с каким цветом знамен). Возможны лишь варианты форм и количественные характеристики. С этой позиции стоит выделить в особое явление повстанчество 1920-1921 гг. как высший уровень противостояния, как вооруженный протест крестьян, «ушедший» из сел и иных населенных пунктов, находящийся в движении, обретший тем самым особые черты – сплоченность, идейное единство, четко заявляемые политические требования и т.п.

Советская историография рассматривала X съезд партии в марте 1921 года как четкий рубеж прекращения одной правильной, хотя и вынужденной, политики – «военного коммунизма» – и начала новой, также правильной, но в изменившихся условиях, – политики нэпа. Это повлекло за собой и изменение отношения крестьян к советской власти – активные выступления «против» просто исчезли. Иллюстрацией к данным положениям может послужить монография Д. Голиноква со знаковым названием «Крушение антисоветского подполья в СССР», где есть особая глава «Влияние нэпа на ход борьбы с контрреволюцией», а в ней раздел «Особенности борьбы с контрреволюцией в условиях нэпа» [5]. Смысл текста – контрреволюция внутри страны в лице эсеров и меньшевиков, а также извне стала активно использовать уступки нэпа (появление мелкой буржуазии и проч.) в своих контрреволюционных интересах, но массы, ранее так или иначе задействованные в протесте, отшатнулись от контрреволюции.

В определенном смысле съезд и его решения могут считаться рубежом, но полагать, что перемены наступили почти сразу же, столь же верно, как утверждать, что реальные мероприятия по отмене крепостного права начались именно с 19 февраля 1861 г. Определить, когда в реальности на местах продразверстку

заменяли продналогом, т.е. прекратили изымать хлеб по разверстке и ввели четкие нормы налога, – не получается, и прежде всего потому, что подобного всеобщего рубежного момента не было.

Впрочем, даже в советский период было понятно, что повстанчество не прекратилось сразу после X съезда: Западно-Сибирское восстание продолжалось до декабря 1921 г.; основные силы Антоновского восстания были разбиты летом 1921 г.; Махно – осенью 1921 г.; «народная революционная армия» Охранюка-Черского выступила в мае 1921 г.; отряды Магасумова и Усманова – остатки мятежной башкирской Красной Армии – продержались до весны 1921 г., после чего присоединились к Охранюку; остатки «Восставших войск воли народа» В. Серова продержались до лета 1922 г.; сопротивление в Сибири и на окраинах продолжалось и дольше. Противоречащие подобному тезису факты продолжающегося вооруженного протеста либо объявлялись просто затянувшимся завершением начавшегося ранее вооруженного конфликта, либо (как выступление Охранюка) игнорировались. Некоторая проблема заключалась в базовой идеологии, что любое партийное решение в центре естественно и безусловно сразу же принималось на местах к исполнению, почему априори подразумевалось, что на местах сразу же приступили к переменам и массы едва ли не сразу ощутили положительный эффект от изменений, что, в свою очередь, и повлекло резкий отток крестьян из «контр-революционных» отрядов, где оставались крайне немногие идейные противники новой власти, которыми в дальнейшем и занималось только что созданное ГПУ в указанные временные рамки.

Современные исследователи столь же естественно не придерживаются подобных позиций, но пройти мимо факта продолжающегося сопротивления никак не могут. Наиболее распространенное объяснение – что новации дошли на места не сразу и что при реализации таковых на местах возникали региональные сложности. В остальном – главной причиной отказа от политики «военного коммунизма» было нарастающее всеобщее крестьянское недовольство продразверткой.

Как правило, рубежом для открытых протестов объявлялся 1922 год; некоторое расхождение было в определении этапов: в 2002 г. П. А. Аптекарь поэтично выделял март 1921 г. – февраль 1922 г. как период «карьергардных боев крестьянской войны», а последующий – март-октябрь 1922 г. – время «смирившейся стихии» [3]. Последним этапом крестьянского движения в Поволжье полагал 2-ю половину 1921 г. – 1922 г. В. В. Кондрашин [14, с. 98]. П. Ф. Алешкин утверждал, что крестьянская война в России закончилась «в конце 1922 года» [1, с. 47] (есть еще вариант И. Н. Лозбенева, делившего период нэпа на два: первоначальный (1921-1924 гг.), когда население было наиболее активным в своих общественных настроениях, протестах и несогласиях с действиями власти, и второй – затухающий (1925-1929 гг.), когда власть определенными уступками либо репрессивными мерами добивалась согласия населения с проводимой политикой [20, с. 5]).

Мы считаем, что рубежность 1922 г. определялась большинством авторов по причине принятия ими широко известного сегодня, почти ставшего афористичным, суждения авторитетного историка В. П. Данилова о «победе, равносильной поражению». Напомним, что в далеком 1996 г. он писал: «Большевики со свирепой жестокостью подавили и “антоновщину” в Тамбовской губернии, и “махновщину” на Украине и все другие крестьянские мятежи, однако и сами должны были отказаться от немедленного “введения” социализма и, главное, удовлетворить основные требования деревни – отказаться от продовольственной разверстки, ввести НЭП, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги осуществленной самим крестьянством аграрной революции. Социалистическое земельное законодательство 1918-1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянского наказа 1917 г. Можно было бы сказать, что крестьянская революция победила, однако эта победа оказалась равносильной поражению, поскольку крестьянство не смогло создать отвечающую его интересам государственную власть, поскольку демократические возможности сгорели в огне гражданской войны, поскольку из жесточайшего столкновения насилий выростала государственная диктатура» [8].

На наш взгляд, прямой связи между поражением повстанчества и новым политическим курсом – нет. Доказательной стороной подобного тезиса должно быть четкое прослеживание этой взаимосвязи. Появление Земельного кодекса РСФСР, принятого постановлением ВЦИК от 30 октября и вводимого с 1 декабря 1922 г., полагать действительным закреплением крестьянской победы можно только условно; разумеется, если понимать это утверждение буквально. Если исходить из того, что, как принято считать, крестьяне всегда хотели «землю и волю», т.е. получить землю, то статья 2 Земельного кодекса не очень соответствовала их вековым желаниям: «Все земли в пределах Р.С.Ф.С.Р., в чьем бы ведении они ни состояли, составляют собственность Рабоче-Крестьянского Государства», т.е. не крестьян. А потом – соблюдение буквы закона, законопослушание управленческих структур никак не могут считаться характерными чертами Советского государства; скорее, к таковым стоит отнести декларативный характер нормативных актов, отклонение с легкостью от них при необходимости (А. В. Вышинский с его теорией «революционной законности») и, едва ли не основное, доминирование партийных решений и документов над советскими. Тезис «повстанцы проиграли, но победили», названный в литературе «парадоксальным» (В. В. Кондрашин), мы бы оценили еще и как «эмоциональный». В самом деле, условная победа крестьян в революции в 1922-м была очень скоро дезавуирована; продолжая исторические параллели, скажем, что крестьянская революция скоро получила свой «термидор».

Показательно, что из приведенного выше знаменитого заявления В. П. Данилова различные авторы находили и находят нужные аргументы для своих построений, в массе своей не менее эмоциональных. Когда автор пишет, что крестьяне «заставили» большевиков ввести нэп и законодательно закрепить право на землю в Земельном Кодексе РСФСР 1922 г. [17, с. 42], то неизбежен диссонанс между признанием поражения повстанцев и утверждением об их фактической победе. «Заставлять» способны только победители;

крестьяне сопротивление проиграли; более уместным были бы термины «принудили», «подтолкнули», но это, по понятным причинам, неприемлемо, т.к. снижает пафос итогового суждения.

Вообще вызывает серьезное сомнение утверждение, что восставшие крестьяне в итоге заставили власть с ними считаться; или иначе – коммунистическая власть оказалась вынуждена с ними считаться. Коммунистическая власть никогда не считалась ни с кем – ни с какими союзниками, попутчиками; напротив, тому есть масса примеров, когда власть и ее представители легко нарушали заключенные соглашения, данные обещания и т.п. Лишь несколько примеров из близкого нам региона Южного Урала. Посетивший Оренбуржье в 1919 г. председатель ВЦИК М. И. Калинин, 19 сентября выступая перед военнопленными казаками, в частности, сказал: «...рабочие и крестьяне никогда не бывают мстительны... мы вам говорим: товарищи казаки, вы наши братья. <...> И теперь мы, рабочие и крестьяне России, приветствуем вас как заблудившихся братьев и принимаем вас в свои объятия. <...> Привет вам, казаки, привет вам, новые борцы» [33, с. 339]. Через несколько часов на закрытом заседании губкома, губисполкома, высшего командования Туркфронта, 1-й армии и оренбургских ответственных работников он одобрил создание концентрационных лагерей для казаков. Тогда же, в марте 1919 г., башкиры подняли вопрос о своей автономии – В. И. Ленин в телеграмме Уфимскому губкому писал твердо: «Со стороны Советской власти гарантия национальной свободы башкир полная» [19, с. 252]. Практически в эти же дни Оренбургский губком говорил в узком кругу о необходимости создать «иллюзию автономии» [23, д. 13, л. 2]. 20 сентября М. И. Калинин, также в узком кругу оренбуржцев, заявил: «Мы башкирам не верим, гоним их солдат под Питер... Нам надо играть в их автономию» [33, с. 343] (необходимое дополнение: после перехода башкир на сторону красных башкирские войска были поспешно выведены из региона и переброшены на оборону Петрограда, а после окончания военных действий – на охрану государственной границы с Латвией [Там же]). В условиях всеобщего не только неудовольствия, но и вооруженного протеста против продразверстки самый простой способ снять напряжение – пообещать убрать продразверстку. И X съезд был не первым; в борьбе с антоновщиной в Тамбовской губернии в начале февраля было подготовлено обращение от имени президиума ВЦИК за подписью М. И. Калинина (потом издано оно было 9 февраля 1921 г. от имени губисполкома и губкома РКП(б)) к крестьянам, сообщавшее о якобы начавшемся прекращении взимания продразверстки [18, с. 111-112]. Особо следует заметить, что решение о создании такого документа было принято на заседании Политического бюро ЦК РКП с показательным уточнением – «чтобы распространить его только в этой губернии, не печатая в газетах» [Там же, с. 109-110] (иные любопытные примеры компромиссных решений и обещаний, связанных с введением нэпа, приводит В. А. Поляков [26]). Вероятно, нет необходимости подчеркивать, что это явно был обманчивый прием. Нет никаких особых оснований полагать и тем более утверждать, что власть пошла навстречу крестьянам или что действия власти есть результат нажима крестьянства. Тактические уступки не изменяют общей картины.

Победа проигравшего крестьянства – один из вариантов объяснения спада и прекращения повстанчества – через принуждение власти к переменам. Как писал В. В. Кондрашин, «повстанчество теряет свою социальную базу, т.к. крестьянство добивается главной своей цели – свободы хозяйственной деятельности и уже не видит смысла в продолжении вооруженной борьбы с большевистской властью» [14, с. 99]. Очень близок по сути иной вариант видения – власть продемонстрировала добровольное стремление к переменам – например, «советское руководство само осознавало перспективность продолжения политики “военного коммунизма” в новых мирных условиях и необходимость отказа от всестороннего принуждения в отношении населения» [25] или «советское правительство признало собственность крестьянина на производимый им продукт, введя весной 1921 г. нэп» [4]. В Уральском регионе еще в 1997 г. В. С. Кобзов и Е. П. Сичинский первыми высказались в пользу того, что на Урале «после отмены продразверстки и введения свободной торговли излишками продовольствия резко на убыль пошло повстанческое движение» [12, с. 164]. Сходный тезис заявил в 2002 г. В. Л. Телицын: уже осенью 1921 г. на Урале «на практике проявили себя нэповские принципы», почему «волнения, охватившие уральские губернии, постепенно улеглись» [36, с. 58]. А последовавшие в 1922 г. «новые либеральные послабления в экономике позволили большевикам нейтрализовать и участников антисоветских выступлений, и тех, кто их поддерживал. И это не случайно, так как появилась возможность свободно торговать, рассчитываться с государством по твердым налоговым ставкам и проч. Все ударились в хозяйствование» [Там же]. Еще более комплиментарно в адрес региональных органов советской власти высказывался П. Ф. Алешкин: «После введения нэпа советское руководство осознало недостаточность военного характера борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых местным населением. Для эффективной борьбы с повстанческим движением требовалось включить в действие экономические и политические средства. Методы подавления и ликвидации крестьянских выступлений и восстаний со стороны органов Советского государства продемонстрировали, помимо репрессивных мер, комплекс оперативно-военных, экономических, политических мероприятий» [1, с. 47].

Особых доказательств истинности подобных заключений мы и у названных, и у иных, не названных здесь, авторов не встречаем. Вряд ли присутствует почтение к советской идеологии; вероятнее всего, подобный вывод есть итог логических построений: была продразверстка – было повстанчество, отменили продразверстку – повстанчество кончилось. Значит, продразверстка – корень всего, и заслуга в переменах принадлежит той власти, которая эти перемены инициировала, т.е. коммунистической. Однако в свое время известный историк Н. Кареев дал прекрасную формулу: «“После” еще не значит “вследствие”» [11, с. 111].

Другой вариант, который поддерживает большинство уральских историков, – это прекращение повстанчества из-за наступившего голода. Здесь также есть как бы подварианты: крестьяне «во имя выживания»

были «вынуждены» отказаться от вооруженной борьбы (И. В. Нарский) [21, с. 47]; голод сделал вооруженное противостояние невозможным (Д. А. Сафонов [27], В. С. Кобзов, И. В. Шведов [13]) – «голод 1921-1922 гг. парализовал способность крестьян и казаков к сопротивлению» [Там же, с. 180].

Действительно, в 1922 году боевые действия повстанцев в европейской части России завершились. Соответственно, возникает еще один вопрос: что в дальнейшем произошло с крестьянским протестом? Здесь, судя по существующей историографии, наблюдаются три варианта. Первый – крестьянское сопротивление просто кончилось («пошло на убыль», «все ударились в хозяйствование»); так, например, В. С. Кобзов и И. В. Шведов писали о выступлении В. Серова, что остатки его отряда просто «скрывались в степях до начала 1922 года» [Там же, с. 179].

Второй – протест выродился в бандитизм. Так, В. В. Кондрашин считает, что произошла «постепенная трансформация повстанчества из движения, пользующегося поддержкой основной массы крестьянства, в движение немногочисленных вооруженных групп, потерявших эту поддержку и эволюционирующих в сторону уголовного бандитизма» [14, с. 98]. Сходно рассуждает И. Н. Лозбенев: «...по мере развития Новой экономической политики терялась и социальная база повстанчества, которое постепенно перерастало в обыкновенный бандитизм» [20, с. 30]; причем явление это наблюдалось повсеместно: «Различные как по масштабам, так и по форме бандитские вылазки в первой половине 1920-х гг. охватили практически все губернии Центральной России» [Там же, с. 31]. Не отрицая возможности превращения «идейных» повстанцев в бандитов в принципе, заметим все же, что всеобщность подобного явления было бы уместно доказывать. Вероятнее всего, это суждение о бандитах есть результат опять-таки логических построений: главная причина протеста – продразверстка, ее отменили – протест кончился; признать, что он продолжался – поставить под сомнение исходный тезис. Отсюда и компромисс: протест завершился, а те, кто продолжал сопротивление, были бандитами, и их отмена продразверстки не затрагивала.

И наконец, третий – протест перешел в иные формы. В какие именно – определить достаточно сложно; гораздо проще указать, каких прежних форм не стало. Мы столкнулись с этой проблемой в 1999 г., когда создавалась хроника крестьянского движения на Южном Урале, начиная с 1855 года [29]. Тогда главной была задача «продолжить» хронику за рубежный 1917 год, почему принципиально было производить учет фактов крестьянской активности в послереволюционный период совершенно по тем же принципам, как и в дореволюционный период. Первой проблемой стало повстанчество, не попадающее под ряд критериев, а второй – буквальное исчезновение проявлений какой-либо крестьянской активности начиная с 1922 г. Мы полагаем, что крестьянский протест не исчез вообще; он исчез только из информационного пространства, из источников. А это, в свою очередь, произошло потому, что карательные органы новой власти иначе фиксировали происходившее, в отличие от прежней полиции и жандармов. В итоге, если исследователи и касаются форм протеста в начальный период нэпа, то делают это достаточно осторожно. Так, крайне расплывчато высказывался И. Нарский: «...крестьяне во имя выживания вынуждены были прибегать в дальнейшем к незаконным, но скрытым от посторонних глаз моделям адаптации в неблагоприятных обстоятельствах, отказавшись от демонстративного недовольства и от надежд на осуществление крестьянской версии революции» [21, с. 47]. И. Н. Лозбенев делит на скрытые формы и бандитизм (вероятно, как открытую форму) [20, с. 30], относя к скрытым распространение слухов, использование легальных собраний, попытки развалить работу кооперативов [Там же, с. 30-31]. Отметим, что есть работы, более детально вникающие в вопрос форм протеста, но они значительно больше внимание уделяют периоду завершения нэпа и начала коллективизации [2; 10].

Серьезной проблемой является то, что крестьянский протест понимается как протест всего крестьянства, иными словами – крестьянство воспринимается и оценивается как нечто единое. В настоящее время распространены тезисы единства крестьянского повстанческого протеста: единый протест, единые требования, единая Программа (А. В. Двойных, П. Ф. Алешкин, В. В. Кондрашин) [1, с. 35-36; 9, с. 5; 15, с. 255-276; 16; 17, с. 44]. «Единство этих подходов (взглядов), а также их “крестьянский характер”, то есть авторство крестьян с точки зрения понимания проблем, и дает основание назвать крестьянские представления о проблемах деревни и страны в рассматриваемый период Программой» [9, с. 5]. Региональные особенности при таком подходе дают лишь некоторые нюансы и детали, но не меняют сути. Анализируя Программу, А. В. Двойных заключал: «Главными лозунгами крестьянского повстанчества были: во-первых, требование к большевистской власти прекратить несправедливую с точки зрения крестьян политику продразверстки и насильственных действий по ее осуществлению в деревне; во-вторых – восстановить подлинное народное правительство в стране, изменив состав Советов, или создав новые аналогичные по содержанию структуры» [Там же, с. 6] (стоит отметить, что В. В. Кондрашин на первое место ставит требование прекращения продразверстки, а П. Ф. Алешкин главным полагает лозунг «Советы без коммунистов»). И вот здесь возникает крайне неудобный вопрос: если требование отмены продразверстки в итоге привело к ее отмене, а требование изменить состав Советов – нет, то почему завершился крестьянский протест?

Мы несколько сомневаемся, что повстанчество 1920-1922 гг. было чем-то единым – хотя, конечно, смотря какой смысл в это понятие вкладывать. По нашему мнению, всеобщность подразумевает одинаковость по основным позициям, о чем мы ранее уже писали [32]. Не повторяя прежней аргументации, только укажем на неизбежные различия регионов, региональные условия, особенности, а также на то, что повстанцы были разные – с разными целями и лозунгами. Например, вооруженный протест башкирской Красной Армии в 1920 г. был направлен на сохранение Башавтономии и правительства З. Валидова – протеста против продразверстки не было, поскольку при Валидове в Башреспублике не было продразверстки. При этом повстанцы выступали за советскую власть, а в 1921 г. остатки их, как уже упоминалось выше, соединились с «народной революционной армией». Все авторы, придерживающиеся тезиса единства, выводят данный протест за рамки

своего анализа. Другой пример: выступление «Армии Правды» А. Сапожкова. И само выступление, и его программные документы, напротив, в обязательном порядке включаются в публикации о единстве как еще одно выступление «за Советы без коммунистов». Между тем уже аргументированно доказано, что данного лозунга именно в данном выступлении не было [30].

Коротко рассмотрим ситуацию с ожидаемыми переменами к лучшему и повстанчеством в самом начале нэпа в отдельно взятом регионе – на Южном Урале. Региональные границы более чем условны; так, если мы возьмем Южный Урал, то возможно говорить как о юго-восточной окраине европейской России, как об Оренбургской губернии (но без ее восточной части), но также и о территориях левобережья Волги, области Заволжья (на тот момент часть Самарской губернии). Вероятно, самым затычным по времени нужно считать выступление «Восставших войск Воли Народа» В. Серова [34]. Последний принимал активное участие еще в протесте «Армии Правды» А. Сапожкова летом 1920 г. в Бузулукском уезде. После гибели Сапожкова Серов объединил остатки «Армии» с другими повстанческими отрядами Поволжья в «Восставшие войска Воли Народа», руководимые т.н. Реввоенсоветом Пяти. Согласно декларации этого РВС, «официально» отменялись диктатура пролетариата, декреты, изданные «коммунистическим правительством», «урезывающие свободу». Вся полнота власти передавалась «самому народу без всяких подразделений на классы и партии» [23, д. 360, л. 28]. В занятых населенных пунктах отменялась продразверстка, проводились пере выборы в Советы. На территории, контролируемой восставшими, создавались институты новой власти. Активные боевые действия велись с ноября 1921 г. по май 1922 г.

Кроме того, на территории рассматриваемого региона мы наблюдаем принципиально новое явление – выступления вооруженных формирований, до этого задействованных в качестве карательных, т.е. на стороне коммунистической власти. Речь идет о выступлениях Охранюка (Черского) и Габзалилова.

Г. С. Охранюк [31] командовал эскадроном в карательной экспедиции, направленной в Преображенский завод в сентябре 1920 г. 12 января 1921 г. он был назначен командиром 20-го отдельного кавалерийского дивизиона, переброшенного в феврале в Самарскую губернию для борьбы с последствиями выступления «Армии Правды» А. Сапожкова. 14 апреля 1921 г. Охранюк поднял восстание, объявив о создании «Народной Армии». В Ток-Чуранском кантоне Башреспублики было сформировано два отряда для борьбы с «Народной Армией» под командованием коммуниста С. Габзалилова и Мустабаева. Последний попытался занять сторону Охранюка, но 12 мая отряд Мустабаева был разгромлен «Коммунистическим отрядом» Габзалилова. Но уже 30 июля Габзалилов сам поднял восстание – его бойцы в Абрамовской волости начали изымать хлеб из ссыпунктов и раздавать населению – при поддержке местных коммунистов [23, д. 229, л. 225].

Никаких действенных мероприятий местных властей, связанных с новой экономической политикой, – от хозяйственных до пропагандистских – в это время в регионе не наблюдалось. Просто рассуждая, следует признать, что мгновенно осуществить переход к продналогу было невозможно – без организационных подготовительных мер, расчетов и подсчетов, подготовки кадров, не говоря уж о том, что с земледельца брать любой налог возможно только после сбора урожая, осенью. Тем не менее налоговые инспектора появились в Оренбурге летом – причем они числились в структурах продолжавших действовать райпродкомов. Направленный ЦК партии в Оренбург в райпродком М. А. Петров был назначен в августе старшим налоговым инспектором – «для проведения налоговой кампании». Зона его ответственности была достаточно странной – в архивном деле с его воспоминаниями подшит документ от 1.10.1921 г., дававший ему «право проведения продналога по отдельным кварталам гор. Оренбурга, в Форштадте, а также к отдельным плательщикам и вести контроль за правильностью наложения продналога, а также своевременного выполнения продналога плательщиками, для чего тов. Петрову предоставляется право контроля базаров с целью недопущения торговли лицам, не выплывшим наложенного на них продналога» [24, д. 405, л. 4]. В своих мемуарах он на полном серьезе писал о «кулаках» Новой Стройки и Форштадта, «саботировавших» уплату налога. Стоит указать, что названные кварталы – часть города, где сельхозугодий не было и быть не могло. Отсюда все сводилось к изъятию продуктов на базарах (мясо, яйца, хлеб). Не менее показательны свидетельства С. П. Самойлова, тульского продработника со стажем с 1919 г., переброшенного в ноябре 1920 г. в составе отряда около 100 продработников во главе с уполномоченным ВЦИК Марголиным в Оренбургско-Тургайскую губернию (на тот момент Оренбургская губерния была объединена с Тургайской областью) [Там же, д. 410, л. 1]. Уместна постановка вопроса: зачем нужно было перебрасывать людей на такое большое расстояние – 1340 км, как особо отмечал мемуарист. Впрочем, он же и отвечал на этот вопрос: «...вся работа 1919-1920 годов сводилась к тому, чтобы дать и дать как можно больше продовольствия на необходимые нужды государству» [Там же, л. 5]. Отряд проработал в крае до июля 1921 г. [Там же, л. 8].

В литературе принято отмечать, что продналог был «весьма умеренным» по сравнению с продразверсткой, что служило доказательством полезности изменения коммунистами продовольственного курса. Мы полагаем, что в абсолютных данных это было действительно так, но приводимые отдельными авторами расчеты несколько лукавы: и размеры налога возникли не одномоментно, да и размеры продразверстки в итоге стали условным понятием – все определялось «нуждами государства»: наиболее откровенно, на наш взгляд, это было сформулировано в приказе № 1 Операционного штаба Исаево-Дедовского райпродсовещания (Оренбургская губ.): «Никаких норм не существует: неприкосновенностью считается все то, что остается по выполнении разверсток» [7, д. 3, л. 285]. Для выполнения поставленных задач продработники активно опирались на силу – милицию в городе и дислоцированные на местах части; С. Самойлов указывал, что в Краснохолмском районе их продотряд был подкреплен отрядом в 200 чел. из стоявшей в районе воинской части [24, д. 410, л. 5]. Получается, что продовольствие по продразверстке продолжали собирать – сложно представить, что с марта и до осени 1921 г. в южноуральской деревне ничего не брали. Напротив, продолжали брать – продналог

собирали те же органы наркомпрода, что и продразверстку. При этом и налог, и разверстка имели общее – натуральный характер, налог в регионе уплачивался продуктами до лета 1923 г.

Из всех ожидаемых новаций нэпа, теоретически рассуждая, крестьяне могли ощутить разве что восстановление торговли – вот только торговать им было особо нечем. Важно подчеркнуть, что все это происходило в условиях начавшегося в 1920 г. и все более усиливающегося в 1921 г. голода. О голоде в Заволжье и Оренбуржье есть немало свидетельств, но мы полагаем полезным акцентировать внимание на мемуарах М. А. Петрова и С. П. Самойлова – продработников, прибывших в край извне. Тот же М. Петров писал, что для Оренбурга 1921 г. «был очень тяжелый, люди с голоду умирали» [Там же, д. 405, л. 63 об.]; «год 1921 был ужасный, голод. Мертвые трупы валялись на улице и мало обращали внимание, проходили мимо, как это будто так нужно» [Там же, л. 68 об.]. «Прошли долгие годы, но и сейчас стоит у меня перед глазами ужасное начало лета 1921 года, год несчастья Оренбурго-Тургайского края», – писал С. П. Семенов [Там же, д. 410, л. 8], одновременно указывая: «1920, 1921 годы миллионы пудов зерна фуража мяса дал государству Оренбурго-Тургайский край» [Там же]. 1922 год, по признанию современников, был еще хуже: «То было жесткое страшное время... Голодный год... Весна 1922 года!.. Картофель, мука из лебеды – это еще роскошь! Мука из камня, мертвечина – вот что приходилось иногда есть озверевшим от голода людям!» – писала оренбургская газета «Смычка» в 1925 году [37]. И вот в таких условиях в регионе продолжался вооруженный протест.

В. В. Кондрашин не согласился с нашим мнением о том, что именно голодом «крестьянский протест в итоге был задушен» [15, с. 21]. Но мы и не утверждаем, что голод убил протест как таковой, – он убил возможность вооруженного протеста. А как же иначе? Повстанческие отряды могли существовать только за счет постоянного пополнения ресурсов – как человеческих, так и материальных (продовольствие, фураж). В голодающих районах, даже при сочувствии населения, продержаться им было невозможно; приходилось уходить.

В условиях нехватки продовольствия повстанцы оказывались в худшем положении, не имея возможности снабжаться, как карательные войска, – отбирать у крестьян они не могли, отсюда хлеб они брали только при разгроме ссыпунктов – как бы «ничейный». «Армия» Охранюка везла с собой более 30 подвод с печеным заранее хлебом [23, д. 234, л. 113]. Когда же запасы сухарей кончились, «армия» перешла на питание исключительно мясом, для чего им приходилось гнать с собой скот, забираемый в «коммунах и советских хозяйствах» [Там же]. Власти намеренно ухудшали ситуацию с продовольствием там, где повстанцы находили поддержку. Так, население Илецкого района Оренбургской губ. активно содействовало повстанцам в 1920 г. В районе была проведена «выкачка» продовольствия, после чего с сентября 1921 г. выезд из района был запрещен; отмечалась огромная смертность [6, д. 12, л. 14]. Сходно были закрыты Пугачевский и Бузулукский уезды Самарской губ., где в 1920-1921 гг. действовали и повстанцы Сапожкова, и Серова, и некоторые иные отряды. В начале 1922 г. оба уезда названы в инфсводке ВЧК по Самарской губ. как находящиеся в самом катастрофическом положении – с неоднократно отмечаемыми случаями людоедства [35, с. 562]. Можно продолжать приводить примеры по другим территориям и населенным пунктам, но схожесть действий и их последствий очевидна.

Оперировавшие в регионе карательные силы вели себя достаточно жестко. Заслуживает внимания тот факт, что никаких даже попыток найти подход к мятежным крестьянам, пообещать им что-либо по «тамбовскому» образцу, о чем уже говорилось выше, не делалось. Курс был один – и он был на истребление. Вероятно, самый показательный момент – когда сдавшихся «народармейцев» Охранюка в целях экономии боеприпасов на протяжении двух дней вырубали саблями – 1500 человек [22, д. 344, л. 118 об.].

Существующий мощный стереотип, что после введения нэпа вооруженный протест пошел на спад, неизбежно влияет на оценки происшедшего – даже у современных авторов «арьергардные бои» лета 1921 – весны 1922 г. воспринимаются как безнадежное сопротивление, поэтапное уничтожение, растянутое во времени. Однако в рассматриваемом регионе повстанцы, несмотря на тяжелейшие условия существования, оставались серьезной силой, реально пугающей власти. Двигающиеся по заснеженной казахской степи весны 1922 г. разрозненные силы серовцев долгое время не позволяли карательным войскам их настигнуть; только панического слуха о приближающейся «армии» Охранюка было достаточно, чтобы все местные коммунисты и работники Советов разбежались. Но еще более убедительным аргументом, на наш взгляд, является приток добровольцев – даже тогда, когда выступление уже казалось обреченным: вридначштаба Кошкин в мае 1921 г. сообщал, что в занимаемых Охранюком поселках восставшие набирают добровольцев – «население района симпатизирует» [23, д. 233, л. 49]; в 1922 г. вридначштаба войск ВЧК КССР Мессьер упоминал, что при выходе из очередного оставляемого, по причине приближения карателей, поселка – Ново-Илецка – серовцы взяли в отряд «только (!) триста человек», хотя желающих было значительно больше [Там же, д. 360, л. 58].

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. Введение нэпа – точнее, объявление новой экономической политики – не прекратило крестьянский протест в его высшей форме – повстанчества. Протест не ограничивался требованием отмены продразверстки или изгнания коммунистов из органов местной власти, поднимая более серьезную проблему – изменения политического курса страны в целом. В то же время в отдельных регионах были свои региональные особенности, также влиявшие на протест. Голод 1920-1922 гг. в Поволжье, Заволжье и на Южном Урале поставил протестующих в сложные условия, по сути, создав ситуацию, делающую открытое противостояние невозможным. Итоговое уничтожение победителями вооруженных протестующих, помимо прочего, показало крестьянам невозможность повторения этого, что, в свою очередь, перевело протест в иные формы.

Список источников

1. **Алешкин П. Ф.** Типологическая общность крестьянского протестного движения в России в 1918-1922 гг. // Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола (г. Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М.: АПР, 2011. С. 35-47.
2. **Анчабадзе Ю. Д.** Формы протестного поведения адыгского крестьянства в 1917 – 1920-х годах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1 (15). Ч. 2. С. 29-34.
3. **Аптекарь П. А.** Сопrotивление крестьян политике большевиков в 1918-1922 гг. (по материалам европейских губернских РСФСР) [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. ист. н. URL: <http://cheloveknauka.com/soprotivlenie-krestyan-politike-bolshevikov-v-1918-1922-gg> (дата обращения: 01.06.2020).
4. **Бадмаева Е. Н.** Социально-политическая обстановка в Нижнем Поволжье в 1920-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-obstanovka-v-nizhnem-povolzhie-v-1920-h-gg> (дата обращения: 01.06.2020).
5. **Голиков Д. Л.** Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2-х кн. М.: Политиздат, 1986. Кн. 1. 333 с.; Кн. 2. 397 с.
6. **Государственный архив Оренбургской области (ГАОО).** Ф. Р-1319. Оп. 1.
7. **ГАОО.** Ф. Р-2404. Оп. 1.
8. **Данилов В. П.** Крестьянская революция в России, 1902-1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriotica.ru/history/danilov_rev.html (дата обращения: 01.06.2020).
9. **Двойных А. В.** Лозунги и программа крестьянского повстанчества в России в годы Гражданской войны: автореф. дисс. ... к. ист. н. Пенза, 2010. 25 с.
10. **Калдузова В. А.** Протест населения Оренбургского округа на рубеже 1920-1930-х годов против аграрно-продовольственной политики: опыт контент-анализа информационных сводок ОГПУ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2016. № 4. С. 18-28.
11. **Кареев Н.** Историка. Теория исторического знания. Изд-е 2-е. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 281 с.
12. **Кобзов В. С., Сичинский Е. П.** Государственное строительство на Урале в 1917-1921 гг.: учеб. пособие. Челябинск: Челяб. юрид. ин-т МВД России, 1997. 185 с.
13. **Кобзов В. С., Шведов И. В.** Урал в период потрясений 1917-1921 годов. Челябинск: Мякотин И. В., 2017. 453 с.
14. **Кондрашин В. В.** Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 543 с.
15. **Кондрашин В. В.** Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 575 с.
16. **Кондрашин В. В.** Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт 1918-1922 гг.: сб. статей и материалов. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 80-98.
17. **Кондрашин В. В.** О достижениях и проблемах современной отечественной историографии крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 39-45.
18. **Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. «Антоновщина»:** документы и материалы. Тамбов: Редакционно-издательский отдел, 1994. 334 с.
19. **Ленин В. И.** Телеграмма Б. Н. Нимвицкому // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1982. Т. 50.
20. **Лозбенев И. Н.** Протестное движение населения Центрально-промышленного региона России в годы новой экономической политики (1921-1929 гг.): автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2013. 41 с.
21. **Нарский И. В.** «Крестьянскую голову все галки клюют»: как представлялись уральскому крестьянству альтернативные сценарии русской революции? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки. Исторические науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 43-48.
22. **Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО).** Ф. 77. Оп. 1.
23. **Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ).** Ф. 1. Оп. 1.
24. **ОГАСПИ.** Ф. 6002. Оп. 1.
25. **Погодаев С. П.** Взаимоотношения населения и власти в период нэпа (на материалах Саратовской губернии) [Электронный ресурс]. URL: <https://ronl.org/referaty/raznoe/508136/> (дата обращения: 01.06.2020).
26. **Поляков В. А.** Российская деревня в 1922 году: апогей голода – первый итог продналога [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-derevnya-v-1922-godu-apogey-goloda-pervyy-ityog-prodnaloga-1> (дата обращения: 01.06.2020).
27. **Сафонов Д. А.** Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 316 с.
28. **Сафонов Д. А.** Крестьянское движение в годы Гражданской войны на территории Южного Урала: состояние и проблемы современной российской историографии [Электронный ресурс]. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/17_4_2018.html (дата обращения: 01.06.2020). DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.17.
29. **Сафонов Д. А.** Крестьянское движение на Южном Урале. 1855-1922. Хроника и историография. Оренбург: Оренбургская губерния, 1999. 315 с.
30. **Сафонов Д. А.** Лозунги повстанческой «Красной Армии Правды» А. Сапожкова: к проблеме единства лозунгов повстанцев 1920-х гг. [Электронный ресурс]. URL: http://vestospu.ru/archive/2019/articles/11_32_2019.pdf (дата обращения: 01.06.2020). DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.11.
31. **Сафонов Д. А.** Охранок (Черский) // Вожаки и лидеры Смуты. 1918-1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 130-131.
32. **Сафонов Д. А.** Повстанчество в 1920-1921 гг. как историческое явление // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 97-101.
33. **Сафонов Д. А.** Факел над бездной: революция 1917 года и гражданская война на юго-востоке европейской России: монография. Оренбург: ОГУ, 2017. 407 с.
34. **Симонов А. А.** Серов // Вожаки и лидеры Смуты. 1918-1922 гг. Биографические материалы / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 174-176.
35. **Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы:** в 4-х т. М.: РОССПЭН, 1998. Т. 1. 1918-1922 гг. 864 с.

36. **Телицын В. Л.** Антибольшевизм уральских крестьян и его проявление в 1917-1921 гг. // Белая гвардия: альманах. М.: Посев, 2002. С. 53-58.

37. **Щ-кий.** В голодное время // Смычка. 1925. 28 мая.

New Economic Policy and the 1921-1922 Peasant Rebellion: Study of the Issue

Safonov Dmitrii Anatol'evich, Dr
Orenburg State University
d_safonov@mail.ru

The aim of the study is to state the issue: whether transition to New Economic Policy in 1921 exhausted the peasant rebellion, stopped the armed resistance, reconciling the parties of the conflict. The research is novel in that it provides a generalised view on the issue and the state of its development in the modern Russian historiography; the author calls into question the seemingly undeniable link between the rebellion and change in the state policy. As a result of the study, it was proved that insurgency was directed not just against the surplus appropriation system and that steep decline in insurgency activities in 1921 stemmed not so much from economic innovations of New Economic Policy, most of which, in fact, were implemented much later, as from the ongoing military-communist operations to seize grain, which, amidst rising hunger, on the one hand, and increase in the number of punitive forces, on the other, virtually crushed the armed rebellion in 1922 and destroyed opportunities for its resumption. Peasant rebellion would take on new forms from then on.

Key words and phrases: New Economic Policy; insurgency; tax in kind; peasant rebellion; regional specifics.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.13>

Дата поступления рукописи: 17.09.2020

Цель исследования – определить изменения в структуре и деятельности Петроградского губернского продовольственного комитета в переходный период от продразверстки к новой экономической политике. В статье рассматриваются условия, вызвавшие эти перемены, а также проблемы, с которыми столкнулся Петроградский губернский продовольственный комитет в начале нэпа. **Научная новизна** исследования определяется обращением к деятельности по особому виду налога – продовольственному – в масштабах конкретного региона. **В результате** в ходе изучения обозначенного направления деятельности обнаружены факторы, определившие специфику работы Петроградского губернского продовольственного комитета в начале новой экономической политики.

Ключевые слова и фразы: Петроградский губернский продовольственный комитет; продовольственный налог; нэп.

Старовойтова Евгения Николаевна, к. ист. н., доц.

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск
jane_star78@mail.ru

Организация работы по продналогу в Петроградской губернии в 1921 г.

Актуальность исследования связана с преобладанием в изучении налоговой системы периода нэпа интереса к денежным видам налогов. Исследованы система, виды денежных налогов, а также деятельность налоговых органов по их взиманию. Деятельность органов по продовольственному налогу по большей части не являлась предметом изучения. Между тем переход от продразверстки к продналогу был одним из главных направлений новой экономической политики. Таким образом, исследование организации работы органов, отвечающих за продналог, является важным знанием о периоде нэпа в исторической науке.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**. Во-первых, определить орган, на который была возложена работа по продналогу в Петроградской губернии. Во-вторых, изучить, каким образом была организована работа этого органа в условиях перехода от продразверстки к продналогу. В-третьих, определить результаты деятельности ответственного органа. В-четвертых, выявить проблемы и трудности в работе продовольственного органа.

Для изучения начального периода деятельности по продналогу применялись различные **методы**. Для определения органа, занимавшегося работой по продналогу, а также изменений в его деятельности в связи с переходом от продразверстки к продналогу использовался сравнительно-исторический метод. С помощью причинно-следственного анализа были выявлены проблемы и трудности в работе продовольственного органа. Системный анализ позволил рассмотреть деятельность Петроградского губернского продовольственного комитета с точки зрения достигнутых результатов.

Теоретическую базу исследования составили источники нескольких видов. Первый – статьи специалистов по налогообложению, опубликованные в журналах начального периода нэпа – М. Альского [1], Н. А. Добромыслова [3], Н. Н. Крестинского [4]. Второй вид источников – опубликованные отчеты о деятельности Петрогубпродкома [6]. Третий – архивные материалы, содержащие данные о работе Петрогубпродкома